

Цун Ле так и не разомкнул пальцев.

Они продолжали стоять друг напротив друга, погрузившись в глухое, натянутое до предела противостояние.

Стоило Лян Чао переступить порог, как стылый, едва ли не осязаемый воздух переговорной заставил его попятиться. Превозмогая неловкость, ассистент подошёл к артисту:

— Брат Ле, нам пора. На съёмочной площадке вот-вот всё начнётся.

Пальцы Цун Ле наконец разжались, освобождая запястье Юнь Цзи.

— Соглашение о расторжении я подписывать не стану, — произнёс он, чуть помедлив, и перевёл прямой взгляд на Юнь Цзи. — А если неустойку вы платить не намерены, то сегодняшняя съёмка для журнала входит в рамки действующего контракта.

Фу Цзян, скрестив руки на груди, перевёл взгляд с одного на другого, после чего обратился к Цун Ле:

— Я не совсем понимаю, на какой стадии сейчас ваши отношения, но Юнь Цзи прямо сказал, что плохо себя чувствует и ему нужен отдых. Ты что, оглох?

— Не понимаешь — не влезай, — коротко отрезал Цун Ле.

— Парень, — Фу Цзян чуть приподнял бровь. — Не стоит пользоваться молодостью, чтобы вести себя как последняя сволочь, а?

Цун Ле усмехнулся, и взгляд его сделался совсем тёмным, тяжёлым:

— А что мне делать? Дождаться твоих лет, чтобы целыми днями приносить людям ячменный чай?

— Цун Ле, хватит, — тихо, но строго осадил его Юнь Цзи.

Раскалывающаяся голова отзывалась тупой болью на каждый выпад. Все трое в комнате воззрились на него.

— Я поеду на съёмку, — добавил Юнь Цзи с лёгкой, обречённой усталостью в голосе.

Смотреть, как они сцепятся прямо в переговорной, не хотелось. К тому же лёгкое недомогание не казалось Юнь Цзи достаточным поводом отменять дела.

Он помнил эту фотосессию. Тогда трёхмиллионный тираж раскупили за какие-то восемнадцать секунд, а журнал потом дважды отправляли в допечатку, что принесло «Безбрежному Морю» внушительную прибыль.

Раз уж Цун Ле встал поперёк и отказался расторгать контракт, грех не воспользоваться его популярностью. Деньги лишними не бывают, а работа есть работа — незачем смешивать её с личными счётами.

Предупредив Фу Цзяня, он вместе с Цун Ле спустился на первый этаж.

У выхода из здания толпились фанаты. Стоило Цун Ле в кепке и солнцезащитных очках показаться из дверей лифта, как к нему тут же ринулись десятки поклонников:

— Господин Цун, можно с вами сфотографироваться?!

— Брат Ле, у меня сегодня день рождения, скажите мне пару слов!

— Господин Цун, распишитесь, пожалуйста!

— Ле-ле, я люблю тебя!

Лян Чао с трудом сдерживал напор:

— Извините, друзья, мы очень спешим, пропустите, пожалуйста!

Охрана едва справлялась с возбуждённой толпой. Цун Ле слегка наклонил голову в знак признательности и, не поднимая взгляда, быстро пошагал к парковке.

Юнь Цзи следовал за ним.

Хотя приступ дурноты немного отступил, ноги оставались ватными. Поспевать за длинными шагами Цун Ле и так давалось с трудом, а тут ещё вокруг шумели и толкались чересчур эмоциональные подростки. Пульс снова зашкалил.

Словно ноги увязли в густом клее, Юнь Цзи застрял в толпе и быстро отстал. Прижав ладонь к груди, он был вынужден прислониться к мраморной колонне в холле.

Он и не рассчитывал, что Цун Ле станет его ждать. В голове всё плыло.

В прошлой жизни Юнь Цзи только и делал, что пытался догнать его, вечно плетясь следом. При росте почти под метр девяносто Цун Ле обладал той самой фигурой, про которую фанаты

писали: «От самой шеи — сплошные ноги». Ходил он стремительно, размашисто, целенаправленно, редко останавливаясь ради кого-то или чего-то.

У самого Юнь Цзи рост тоже превышал метр восемьдесят, но рядом с Цун Ле его шагов катастрофически не хватало — пару минут такой гонки, и дыхание сбивалось.

И Цун Ле никогда его не ждал. Ни единого раза. Лишь бросал сухое: «Я спешу, догоняй» или вовсе уходил вперёд.

Поэтому от тех лет у Юнь Цзи в памяти ярче всего запечатлелась именно его спина — высокая, прямая, окружённая вспышками фотокамер.словно юный Моисей, рассекающий флуоресцентное море обожания и прокладывающий сквозь него узкую, не терпящую попутчиков тропу.

Когда головокружение немного улеглось, Юнь Цзи достал телефон, чтобы узнать у Лян Чао точный адрес и вызвать такси — Цун Ле, очевидно, давно уехал.

— Ты что тут застрял? — В нетерпеливом оклике Цун Ле проскользнула странная, натянутая струной нервозность. — Почему не шёл за мной?

Юнь Цзи не ожидал, что тот вернётся. Он убрал телефон и тихо ответил:

— Немного закружилась голова. Извини.

В его глазах поездка на съёмку была исключительно рабочей обязанностью. Время Цун Ле — и как артиста, и как звезды — стоило несравнимо дороже.

Однако Цун Ле стоял рядом, и толпа поклонников мгновенно переключалась к ним. Ребята попались воспитанные: без разрешения не фотографировали, а просто плотно обступили их, точно стайка голодных рыбок в пруду.

Цун Ле быстрым движением сбросил с плеч куртку, накинул её на Юнь Цзи и, крепко обняв его за плечи, повёл к выходу.

— Спасибо вам, ребятушки, но мы действительно очень спешим, — бросил он фанатам с непривычной мягкостью.

Подростки, согретые этим жестом, тут же расступились, освобождая дорогу. Поддерживаемый под бок, Юнь Цзи двигался куда увереннее, хотя слабость никуда не делась. Едва очутившись в салоне автомобиля, он с облегчением прикрыл глаза.

От офиса до фотостудии было километров сорок. Учитывая пробки и ограничения скорости,

дорога должна была занять больше часа. Впрочем, опытный Лян Чао заложил запас времени с избытком.

Будь это в прошлой жизни, Юнь Цзи извёлся бы, непрерывно посматривая на часы: не опоздает ли Цун Ле, не испортится ли у него настроение из-за задержки, не подумают ли организаторы, что звезда зазвездилась.

Но сейчас он просто откинулся на сиденье, мечтая лишь о том, чтобы пробка затянулась подольше и дала ему отдышаться. После перерождения на него свалилась бездна дел: нужно было следить за здоровьем деда и одновременно поднимать «Безбрежное Море» — старик наверняка пристально наблюдал, справится ли внук с бизнесом. Растраниживать время впустую он не имел права.

С пяти утра во рту не было ни крошки, кроме пары глотков ячменного чая. Организм требовал отдыха.

Цун Ле сидел подле него в абсолютном молчании. Юнь Цзи это ничуть не удивляло: общих тем у них попросту не существовало. Даже после свадьбы в той, прошлой жизни их разговоры ограничивались короткими, чисто техническими фразами в постели — вроде: «Тебе не больно?» или «Ещё терпишь?».

Раньше Юнь Цзи находил этому оправдание. Миром Цун Ле была музыка. А о чём говорить с человеком, который даже по нотам читать не умеет, когда вокруг тысячи тех, кто жаждет обсудить с ним гармонии?

Теперь же Юнь Цзи было всё равно.

— Может, всё-таки в больницу? — неожиданно раздалось рядом.

Юнь Цзи вздрогнул от звука этого бархатистого голоса. Легко поморщившись, он сухо ответил:

— Не нужно.

Время дорого обоим, а со своими болячками он разберётся сам, без помощи будущего бывшего парня.

— Часто грудь давит? — Голос Цун Ле звучал глухо и напряжённо, словно подобный разговор давался ему с огромным трудом.

Юнь Цзи не намеревался обсуждать своё здоровье с человеком, с которым вот-вот расстанется, и уже собрался попросить его замолчать. К счастью, Цун Ле и сам счёл за благо уйти от расспросов.

В салоне чуть прибавили тепла, и мягкий, убаюкивающий зной мягко окутал плечи. Юнь Цзи плотнее укутался в чужую куртку и мгновенно провалился в сон.

Цун Ле молча смотрел в окно.

У дверей холла, когда он обернулся и не обнаружил Юнь Цзи за спиной, сердце у него на мгновение словно зажало в тисках. Оно просто перестало биться на секунду-другую. Холодный пот мгновенно выступил по всему телу, погрузив в дикое, неведомое доселе чувство невесомости.

Он никогда не испытывал ничего подобного — даже когда врачи ошарашили его новостью о том, что он, возможно, больше никогда не сможет петь.

Паника была абсолютно иррациональной. Юнь Цзи ведь только что шёл рядом, куда он мог деться? Да и какая разница, даже если бы и отстал?

Но совладать с собой Цун Ле не мог.

Точно так же, как и в переговорной: ему ведь всегда досаждало, когда Юнь Цзи крутился поблизости. Разве не проще было отпустить его домой? Так почему же от одной мысли, что дома за Юнь Цзи некому ухаживать, внутри всё переворачивалось и пульс зашкаливал?

Цун Ле косо взглянул на спящего.

Тот действительно крепко заснул. Голова бессильно склонилась набок, мягкие пряди спутались, полуприкрывая бледные, измождённые черты. Цун Ле никогда не нравились слишком утончённые, почти женственные мужские лица — он считал, что мужчина должен выглядеть мужественно. Но сейчас, глядя на длинные изогнутые ресницы и бескровную бледность Юнь Цзи, он не мог отвести глаз.

Словно поддавшись гипнозу, он протянул руку и едва ощутимо коснулся лба Юнь Цзи.

Кожа была слегка влажной от липкого пота, но жара не ощущалось.

— Притормози у ближайшего круглосуточного, — вполголоса бросил Цун Ле водителю.

Шофёр, проработавший у него полгода, отродясь не помнил, чтобы тот просил о незапланированных остановках.

— Господин Цун, мы будем минут через двадцать. Не опоздаем? — уточнил он, глянув в зеркало заднего вида.

— Потратить пару минут, не развалимся, — резко отрезал Цун Ле.

Спустя несколько минут шофёр увидел, как артист вернулся с подушкой для путешествий и пакетом, от которого валил густой пар.

Цун Ле одной рукой осторожно приподнял затылок Юнь Цзи, а другой подоткнул под шею мягкий валик. Едва ли его движения можно было назвать нежными — скорее порывистыми и неловкими, будто кожа Юнь Цзи обжигала пальцы.

Спящий недовольно наморщил нос и, не открывая глаз, тихо пробормотал:

— Не трогай...

Цун Ле замер. В этой неизменной позе, поддерживая его голову, он пробыл пару минут.

— Трогаемся, господин Цун? — тихо переспросил шофёр.

— Угу, — буркнул Цун Ле. Покрепче завязав пакет со свежими горячими булочками, он осторожно уложил его Юнь Цзи прямо на живот.

Ощувив приятное тепло, Юнь Цзи уютно потянулся под курткой и с тихим, удовлетворённым вздохом обнял пакет.

В машине было жарко, водитель и сам Цун Ле уже успели взмокнуть, но Юнь Цзи спалось невероятно сладко.

Когда он протёр глаза и окончательно очнулся, ему на мгновение показалось, будто он проснулся в собственной постели — настолько редким и глубоким оказался этот короткий сон.

Но старые привычки умирают с трудом. Горькая ирония отозвалась тупой болью в груди: несмотря на новый жизненный этап, знакомый чистый, прохладный аромат Цун Ле всё ещё подсознательно действовал на него как лучшее успокоительное.

— Это ещё что? — спросил Юнь Цзи, разглядывая пакет с горячими паровыми булочками у себя на животе.

— Что, булочек никогда не видел? — язвительно огрызнулся Цун Ле, словно снова на кого-то злился.

— Видел, — равнодушно ответил Юнь Цзи, переложив пакет на свободное сиденье между ними и тем самым подведя черту под разговором.

В окно было видно, что машина въезжает на подземную парковку студии, а водитель берёт парковочный талон.

— Ты утром ел хоть что-нибудь? — вдруг невпопад спросил Цун Ле.

— Я? Позже поем, — Юнь Цзи с недоумением поглядел на пакет и дорожную подушку, налобные морщины его углубились.

Цун Ле вспыхнул мгновенно:

— Позже — это когда?! Ты вообще соображаешь, во сколько закончатся съёмки? Или надеешься сбежать раньше времени?

— Цун Ле, ты что творишь? Решил проявить заботу? — Юнь Цзи вдруг показалось, что он разгадал причину этой вспышки, и на его губах мельком появилась ироничная ухмылка. — Подушка и булочки — твоя работа?

Не дав тому ответить, он с невозмутимым видом продолжил:

— Если тебя так задело, что брат Фу принёс мне чай, не нужно устраивать этот цирк и пытаться отыгаться на мне. Самолюбие тешат по-другому.

В салоне находились посторонние, и Юнь Цзи не хотел доводить дело до скандала, поэтому просто собрался выйти. Учítывая вспыльчивый нрав Цун Ле, он уже заранее знал, какой ответ последует.

«Ладно, проехали».

Он посчитал себя чересчур неблагодарным, раз уж принялся цепляться к мелочам.

Однако Цун Ле внезапно перегородил ему дорогу прямо у дверей лифта.

— Не хочешь булочки — наверху есть ресторан. Поднимемся, и ты сперва нормально поешь чего-нибудь горячего, — произнёс он, пользуясь преимуществом в росте и глядя на Юнь Цзи сверху вниз. В его взгляде, за ледяной надменностью, сквозила отчаянная, едва сдерживаемая злоба: — Если ты сейчас не поешь, я отменю съёмку. И не сделаю ни единого кадра. Понял?

Юнь Цзи несколько секунд молча смотрел на него, а затем усмехнулся:

— О как. Понятно.

<http://bllate.org/book/20092/1990887>